

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения
по Танскому Китаю)

Часть III

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

ЕЩЕ РАЗ О БЯНЬВЭНЬ...

(заметки)

Период активного изучения произведений жанра бяньвэнь как в Китае, Японии, так и в нашей стране, по словам акад. Н.И.Конрада,¹ начался с появлением в печати в 1957 году двухтомного собрания дуньхуанских бяньвэнь /I4/. Исследованиями жанра бяньвэнь - главным образом на материале буддийских сюжетов - в советской синологии все эти годы особенно плодотворно занимался Л.Н.Меньшиков.²

Что касается небуддийских бяньвэнь, то можно смело сказать, что наибольшей "популярностью" у исследователей пользовалась и пользуется до сих пор "Бяньвэнь об У Цзысье".³ Последнее время оживленный интерес к этому сюжету замечен особенно у наших западных коллег. Так, перевод "Бяньвэнь об У Цзысье" на английский язык мы находим в книге Артура Уэйли /I2/, в большую работу, посвященную исследованию жанра бяньвэнь, которую готовит проф. Виктор Мейер (США), также включен перевод указанной бяньвэнь.⁴ Наконец, недавно появилось весьма солидное исследование, посвященное "Бяньвэнь об У Цзысье" английского ученого Дэвида Джонсона /II/.⁵

Итак, если к началу 70-х годов можно было еще говорить, что история сюжета "Бяньвэнь об У Цзысье" разработана недостаточно /I, с. 27/, то в исследованиях последующих лет У Цзысью "воздаются по заслугам".

Наряду с литературоведческими студиями за истекшее двадцатипятилетие велись серьезные исследования по языку бяньвэнь. Наиболее полно описаны грамматические особенности языка бяньвэнь в фундаментальной работе И.Т.Зограф /2/, содержащей, помимо грамматической части, полный словарь конкретного произведения этого жанра - "Бяньвэнь о воздаянии за милости".

Некоторые соображения, касающиеся языка бяньвэнь, мы находим в поименованном выше исследовании Д.Джонсона. Здесь не имеются в виду такие оценки, как "сравнительно простой китайский" /II, с. 96/, или "довольно простой" /II, с. 101/, которые мало что дают для реального представления о языке. Но даже такое определение языка памятника, чрезвычайно распространенное в западных синологических исследованиях, как английское vernacular⁶, или французское vulgair (точный русский эквивалент которых мы не решаемся предлагать в виду неоднозначности их употребления в специальной литературе), означающее иногда что-то вроде "простонародный" или

даже "общеупотребительный" (отнодь не тождественный путунхуа!), весьма неопределенно. Ощущая эту неопределенность, Д.Джонсон старается ввести в какие-то рамки свое понимание и употребление этого термина. Так, он специально оговаривает, что vernacular в его употреблении не есть синоним colloquial /II, с. 95, сноска I/ (о последнем несколько подробнее см. ниже), что он далек от байхуа начала XX века и не похож на дословную фиксацию разговорной речи. Более того, выделяя ряд разновидностей vernacular, Джонсон предвидит возражения со стороны некоторых специалистов в вопросе о том, где следует проводить границу между наиболее сложной из выделенных им разновидностей vernacular и "классическим", или "литературным" языком (! - И.Г.). Единственным критерием, позволяющим провести эту границу, является, по мнению Джонсона, аудитория: если сравнительно образованной аудитории (по определению автора, такая аудитория состоит из людей грамотных, но не получивших классического китайского образования) язык произведения понятен, то это произведение на vernacular.⁷

Далеко не ясно, что обозначается термином colloquial (хотя словарное значение слова вполне определенное - "разговорный"). Нас при этом смущила приведенная Джонсоном цитата из книги Джона Бишоп /9/, из которой следует, что светские бьяньвэнь более "разговорны" (colloquial) по стилю, чем буддийские.⁸ При непосредственном обращении к работе Бишоп нетрудно было увидеть, что это замечание касается, скорее, характера содержания текста (буддийский или небуддийский), наличия или отсутствия в нем диалога, однако это не те параметры, которые позволяют характеризовать язык как более или менее разговорный.⁹ Так или иначе, высказывание Бишоп побудило нас обратиться к текстам двухтомного сборника бьяньвэнь для того, чтобы сопоставить по степени близости к разговорному языку¹⁰ буддийские и небуддийские произведения этого жанра.

Для выяснения того, как соотносится язык какого-либо памятника с разговорным языком эпохи, мы пользуемся уже вполне апробированной методикой, устанавливая соотношение старых и новых служебных слов в примерном соответствии со списком,¹¹ который был в свое время предложен С.Е.Яхонтовым /8, с. 79-80/.

Сравнивая язык двух групп бьяньвэнь (буддийские и небуддийские), мы из каждой группы берем для сопоставления несколько произведений (или отрывков), примерно равных по длине. Так, из буддийских нами просмотрены "Бьяньвэнь по Лотосовой сутре" /I4, с. 488-500/, "Бьяньвэнь о Вэймоцзе" /I4, с. 517-532/, "Бьяньвэнь о Муляне" /I4, с. 718-725; 756-759/ (цитаты из сутр, естественно, не учитываются). Из

небуддийских нами привлечены "Бяньвэнь об У Цзысье" и "Бяньвэнь о Хань Циньху" (для этих двух текстов нами использованы результаты их обследования, опубликованные в статье С.Е.Яхонтова /8, с. 83/), а также "Бяньвэнь о Чжан Ичао" /14, с. 114-119/ и "Бяньвэнь о Чжан Хуайшэне" /14, с. 121-127/.¹² Данные по двум последним мы объединяем для получения примерно равного объема сравниваемых текстов.

Вот как выглядят результаты, полученные при сопоставлении: в "Бяньвэнь по Лотосовой сутре" на 66 древнекитайских служебных слов приходится 45 новокитайских, или 68%; в "Бяньвэнь о Муляне" на 73 древнекитайских - 32 новокитайских, или 43%; в "Бяньвэнь о Вэймоцзе" на 74 древнекитайских - 26 новых, или 35%. При этом большая часть древнекитайских слов, отмеченных во всех трех текстах, приходится на такие, которые имеют точные новокитайские (или среднекитайские) эквиваленты /8, с. 83/: например, старый показатель определения 之 чи вместо нового 的 ди; 何 хэ ("что?") вместо нового 甚 (шэнь) шэнь и т.д. Заметим также, что многие новые служебные слова и некоторые конструкции, не вошедшие в список "диагностических", встречаются во всех трех текстах, особенно часто - в "Бяньвэнь по "Лотосовой сутре". Примерами могут служить 那 на в значении указательного ("тот") и просительного ("который?") местоимений, 甚 шэнь ("какой?"), 多少 дошао ("сколько?") вместо 几 цзи ("сколько?"), конструкции с 把 ба и 将 цзян, вводящими прямое и инструментальное дополнение, 也 э и 也 э мо (в конце предложения), выражающие вопрос, и др. В "Бяньвэнь о Вэймоцзе", которая содержит наименьший процент новых служебных слов, входящих в список, при этом неоднократно отмечены конструкции с 把 (ба) ... 来 ла (цзян)... 来 ла, вопросительное местоимение 甚 шэнь, местоимение 3-го лица 他 та и т.д.

Из небуддийских текстов наименьший процент ($\approx 11\%$) новых слов приходится на "Бяньвэнь об У Цзысье", за ней следуют объединенные при подсчете служебных слов тексты "Бяньвэнь о Чжан Ичао" и "Бяньвэнь о Чжан Хуайшэне" ($\approx 17\%$). Что касается "Бяньвэнь о Хань Циньху", то, хотя в ней на 166 древнекитайских слов приходится 127 новых, однако в названное число новых слов входит 77 употреблений одного слова 便 бянь ("тогда", "сразу"), таким образом, более правильно считать числом новых не 127, а 50, что составляет 30%.

Приведенные статистические выкладки свидетельствуют, что в рассмотренных нами текстах концентрация новокитайских слов в бянь-

вэнь на буддийские сюжеты выше, чем в произведениях небуддийских.

Полученные результаты противоречат мнению о более разговорном характере языка светских бяньвэнь (см. с. 97), они же позволяют нам высказать предположение о причине различий в языке разных бяньвэнь по степени близости к разговорному языку эпохи. Ее, как нам кажется, следует искать в языковых различиях источников, к которым восходят сюжеты бяньвэнь. Применительно к буддийским сюжетам таким источником являются сутры.

Доказательства того, что для III-V вв. именно язык переводов буддийских сутр являя собой образец китайского языка, наиболее близкого к разговорному языку той эпохи, содержится в нашей работе /5/. Буддийские вйлу школы чань эпохи Тан, как мы пытались показать на материале грамматики языка "Линьцзи лу" /3/, являются уникальными для танского периода текстами по степени "разговорности" языка. Судя по результатам сравнения языка буддийских и небуддийских бяньвэнь, получается, что и в рамках одного жанра остается справедливым положение о том, что произведения, связанные с буддийскими сюжетами, характеризуются языком, более близким к разговорному. ¹³

1. См. /6, с. 326-328/.

2. Важным итогом разысканий Л.Н.Меньшикова в названной области является его работа /1/, где приводится и библиография вопроса.

3. Столь частое обращение исследователей к "Бяньвэнь об У Цзысве" как наиболее типичному примеру небуддийских бяньвэнь можно объяснить как популярностью самой личности У Цзыся, талантливого военачальника, окруженного легендами и преданного долгу человека, так и наличием сведений о нем в ряде исторических источников ("Исторических записях" Сыма Цяня, "Летописи уделов У и Юэ" и др.); кроме того, эта бяньвэнь сохранилась лучше других (примерно 80% первоначального текста). Исследованию жанровых особенностей небуддийских бяньвэнь была посвящена наша статья /4/.

4. См. об этом /II, с. 94/.

5. Жаль только, что в столь обстоятельной работе, фундированной обширным смысловым аппаратом, из работ советских синологов названа лишь книга Б.Л.Рифтина "Историческая эпопея и фольклорная традиция", с которой автор исследования знаком только по Summary /II, с. 467/.

6. Очень широко и в разных значениях употребляется указанный термин и в недавно вышедшей книге Патрика Хэнана /IO/. Так, в я-

де мест названного исследования, насколько можно судить по контексту, интересующий нас термин почти полностью соответствует тому, что мы называем "разговорным" (или "близким к разговорному") языком: например, /10, с. 5-6/. Однако на с. 13 мы читаем, что различия между "классическим" и vernacular касаются только лексики, но не грамматики.

7. Ср. с тем, как определяет Люй Шусян "вульгарный вэньянь" ("тунсу вэньянь 通俗文選") /7, с. 26/.
8. См. /11, с. 98, сноска 6/.
9. Мы целиком разделяем мнение С.Е.Яхонтова по этому вопросу /8, с. 76/.
10. Как всегда, мы имеем в виду в таких случаях грамматику языка, а внутри ее - систему служебных слов (куда включаются и местоимения), ибо известно, что именно они определяют особенности ее строя в тот или иной период истории языка.
11. Всякий раз при аналогичных операциях указанный список берется за основу и в зависимости от анализируемого материала в какой-то степени модифицируется.
12. Выбор текстов не случаен: среди небуддийских бяньвэнь представлены как произведения на сюжеты, повествующие об исторических событиях древности (об У Цзысье и о Хань Циньху), так и затрагивающие события, происходившие в эпоху Тан (о Чжан Ичао и о Чжан Хуайшэне). События, связанные с именем Чжан Ичао, относятся к 742-755 гг., с Чжан Хуайшэнем - ко времени сразу после 755 г. (Подробнее о содержании двух последних бяньвэнь см./4, с. 26-27, сноски 7,8/, так что произведения не могли возникнуть ранее конца VIII - начала IX вв.
13. Утверждение, что наибольшей близостью к разговорному языку своей эпохи характеризуются произведения буддийской литературы, мы находим в работе П.Хэнана /10, с. 6/; при этом автор ссылается на известную статью Гао Минкая /13/, когда речь идет о языке йилу, и на вступительную статью к двухтомнику бяньвэнь одного из его составителей - Ван Чжунмина, когда речь идет о языке бяньвэнь.

Литература

1. Бяньвэнь о воздаянии за милости (Рукопись из дунхуанского фонда Института востоковедения). Часть 1. Факс.рук. исслед., пер. с кит.,коммент. и табл. Л.Н.Меньшикова. М., 1972.
2. Бяньвэнь о воздаянии за милости (Рукопись из дунхуанского фонда Института востоковедения). Часть 2. Грамматический очерк и словарь И.Т.Зиграфа. М., 1972.
3. И.С.Гуревич. Из исторической грамматики китайского языка эпохи

- Тан (на материале "Линьцзи ху": грамматический очерк с приложением перевода памятника, снабженного примечаниями). Рукопись.
4. И.С.Гуревич. К вопросу о жанре небуддийских бьяньвэнь (на материале "Бьяньвэнь об У Цзысюе"). - Дальний Восток. М., 1961, с. 24-35.
 5. И.С.Гуревич. Очерк грамматики китайского языка III-V вв. (по переводам на китайский язык произведений буддийской литературы). М., 1974.
 6. Н.И.Конрад. Проблемы современного сравнительного литературоведения. - Известия АН СССР, ОЛН, т. XVIII, вып. 4, с. 315-333.
 7. Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка. I. Слово и предложение. М., 1961.
 8. С.Е.Яхонтов. Письменный и разговорный китайский язык VII-XIII вв. - Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969, с. 74-86.
 9. J.Bishop. The Colloquial Short Story in China. Cambridge.Harvard Univ. Press, 1965.
 10. P.Nanan. The Chinese Vernacular Story. London, 1981.
 11. D.Johnson. The Wu Tzu-hsü Pien-wen and Its Sources. Part I, II. Harvard Journal of Asiatic Studies, vol. 40, № 1, с. 93-156; №2, с. 465-505.
 12. A.Waley. Ballads and Stories from Tun-huang. London, 1960.
 13. 高名凱. 唐代禪家語錄所見的語法成分, 燕京學報, 1948, № 34, с. 49-84 (Гао Минкай. Грамматические элементы, встречающиеся в ходу школы чань эпохи Тан).
 14. 敦煌變文集. 王重民等編. 人民文學出版社. 北京, 1957 (Сборник бьяньвэнь из Дуньхуана).

Т.Г.Комиссарова

БУДДИЙСКИЕ КАТАЛОГИ ДИНАСТИИ ТАН

По вопросу о китайском буддийском каноне, особенно той его части, которая представлена китайскими переводами санскритских сочинений, имеется широкий круг литературы. Мировая буддология давно признала равную с палийским и санскритским ценность китайского канона для изучения истории и философии буддизма. Составлены два европейских каталога китайской Трипитаки - Бунью Нандэ и Полем Багчи.

Тем не менее, знакомство с текстами китайских каталогов буддийского канона убеждает нас в том, что представление о составе